

Художественное оформление
Илоны Шавлоховой

- 343 **Звонцова, Екатерина.**
Рыцарь умер дважды : роман / Екатерина Звонцова. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 640 с. — (Ведьмин сад).

ISBN 978-5-17-116002-9

1870 год, Калифорния. В окрестностях Оровилла, городка на угасающем золотом прииске, убита девушка. И лишь ветхие дома индейцев, покинутые много лет назад, видели, как пролилась ее кровь. Ни обезумевший жених покойной, ни мрачный пастор, слышавший ее последнюю исповедь, ни прибывший в город загадочный иллюзионист не могут помочь шерифу в расследовании. А сама Джейн Бёрнфилд была не той, кем притворялась. Ее тайны опасны. И опасность ближе, чем кажется. Но ответы — на заросшей тропе. Сестра убитой вот-вот шагнет в черный омут, чтобы их найти. На Той Стороне ее ждет заживо похороненный принц. Древние башни, где правит Вождь с зачарованным именем. И война без правых и виноватых. Живая должна заменить мертвую. Но какую цену она за это заплатит?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мы видели их, мы слышали их,
пути на краю земли,
И вела нас Сила превыше земных,
и иначе мы не могли.

Р. Киплинг.
«Песнь мертвых»

ПРОЛОГ

[ТОТ, КТО ДАВНО МЕРТВ]

Они танцуют — на лицах черные, красные и охристые полосы, треугольники, пятна. Танцуют — и ночной ветер развеивает волосы, поет в украшающих прически звериных черепах. Танцуют — и безоружные не менее страшны, чем те, в чьих руках копьё или боевые топоры.

Они завораживают, не отвести глаз. Я впервые на этом празднестве, приглашен единственным, кто вправе был меня пригласить, ведь обычно они нас сторонятся. Хотя к ним добры и никому не дозволено обижать их, они словно не верят, не верили с самого начала. Кто знает? Они не гонят любопытных прочь, приветливы, если к ним обратиться, а при встрече неустанно благодарят меня за доброту: и сейчас отдали лучшее место, поднесли лучшую пищу в бесхитростных деревянных и плетеных пиалах. Но сами... сами они извечно делают вид, что их нет. И все равно они уже незримо всюду.

О *них* говорят на улицах, к ним бегают дети — посмотреть на танцы, моления, даже трапезы. Их музыка — колдовство: едва просыпаются чужеземные флейты и барабаны, едва врываются в вечернюю тишину зычные голоса, как многие спешат на звук, забыв все прочее.

Они завораживают. Они прекрасны. У них столько тайн. Как же я их ненавижу.

Больше других — тебя, нечестивец, *тебя*. Ведь это тебя слушаются, ты велишь литься песне, заклятью, вину. Ты уже не юн, но в расцвете сил и красоты, у тебя пронзительные глаза и величавая поступь. Вождь — так

они зовут тебя, но для меня ты просто грязный зверь. Был и будешь.

Ты танцуешь среди них, притворяясь равным, — но все равно высишься, вырастаешь искусно вырубленным деревянным божком. В твоих длинных волосах вороний череп; чудится, что глазницы светятся золотом. Впрочем, не чудится, ведь ты колдун, как и я. Другой свет, свет твоих глаз, рожден кострами — теми, что пылают теперь на площади, теми, что видны по всему краю Фор-та, где вы вольготно обжились. Что вы ищете в огне? К кому взываете, запрокидывая головы, давая пламени играть на лицах? Однажды я спросил, молитесь ли вы Звездам. Что ты ответил? «Звезды — лишь частицы мира, молиться им — что молиться каплям росы». Я промолчал, мы не смели неволить вас в вере. Не стоит мешать слепцу, сознательно выбравшему слепоту.

...Ты танцуешь, восхваляя ваших странных духов, но скоро вернешься и сядешь подле меня. Наши чаши рядом, там недопитое вино — оранжевое, как огонь, апельсиновое, которое вы так любили. Оно терпче нашего: вы добавляете туда дикие ягоды лиан, соцветия сорных ползучих кустарников. Не потому ли запах так резок и сладок, не потому ли так играет искристая глубина?

Вы взяли местный рецепт и извратили: *наше* вино не туманит столь сильно мысли, не будоражит душу. Вы взяли наш дом и изменили уклад до неузнаваемости: ходите босыми, спите в теплые ночи на крышах, разжигаете ослепительные костры. Вы взяли все, что вам щедро предложили, но вам было мало. А я, наивный глупец, не замечал.

Жаль, я хватился поздно, жаль, лишь ныне. Когда ты, нечестивец, взял и душу моего сына, околдовал рассказами, будто каждый волен поступать, как хочет, и нет оков, что нельзя сбросить. Когда он глядит на тебя с обожанием, когда пересказывает ваши сказки и забы-

вает свои. Когда его герои — Голубая Сойка, сбежавший в Лунные Земли вопреки воле отца, и Койот, коему не стыдно презреть долг во имя собственного счастья или вовсе мимолетного развлечения.

Я ненавижу тебя. Тебя и отраву, что ты принес, отраву, от которой ширится и без того огромная пропасть меж мной и моим мальчиком. И это не все; ведь сегодня он один боготворит тебя, а вскоре к тебе потянутся многие, сотни тех, кто слышит ваши песни. Но нет... нет, я не допущу. Вы чужаки, таковыми и останетесь. Посмотрим, что станет с твоим народом без вождя?

Мы не знаем войны, нечестивец, и почти не знаем оружия. Это ты принес сюда первый лук, первый топор и трубку, стреляющую дымом и сталью. Мы не скоро научимся делать подобное; мы никогда не видели в том нужды; нам хватало мечей и доспехов для фортовой стражи. Но наши тайные умения тоже широки, а наш мир, мир, столь тепло вас принявший, на самом деле коварен.

Он при мне — алый порошок. Пыльца черной орхидеи, самого красивого цветка наших краев. Она обжигает, даже если случайно коснуться лепестка; мы все носим ее с собой, чтобы отпугивать змей. Когда ты выпьешь пыльцу с вином, она разест твоё нутро, но никто не увидит этого. Сначала ты просто уснешь подле меня. Задремлешь под треск пламени, задремлешь, устав от плясок, не закричишь. Никто ничего не заподозрит, ведь вы так много знаете об острых стрелах и так мало об отраве, хотя сами — отравы.

Танцуй, нечестивец, молись. Танцуй, молись, ведь моя рука уже замерла над твоей чашей.

Танцуй. Молись. И...

Как близко сегодня наше зеленое небо.

Что это? Впервые за все мое существование отсюда падает стремительная звезда?

И... почему эта звезда взрывается прямо в моей груди?

ЭПИТАФИЯ ПЕРВАЯ
СЕРДЦЕ СЕСТРЫ

[ЭММА БЕРНФИЛД]

Я помню Джейн.

Я помню ее с того далекого дня. Июнь, запах лесных цветов и мелькание крыльев — никогда ни до, ни после мы не видели в саду столько бабочек. Белых бабочек, говорили, что из горного снега. Две маленькие дурочки, мы с Джейн, верили небылицам: до гор было недалеко, пара миль против течения по зеленым холмам, не сворачивая. И вот уже торопливая беглянка-река Фетер, голубая змейка. Вот деловитый Оровилл — городок на пути к расцветающему Сакраменто. И вот, наконец, огромная безмолвная Сьерра-Невада, ее промозглые склоны, поросшие древним лесом. Даже теперь, когда в Калифорнии всюду добывают золото, когда оно потоками растекается по Америке и, ища удачу, всюду селятся люди, цепь остается дикой. С белых пиков вполне могут прилетать снежные бабочки, но я уже не узнаю: горы берегут свои тайны. Как берегла их моя Джейн. Жаль, я поняла это поздно.

А *тогда* — раннее лето, июнь. Пыльца на пальцах. Мы учились ходить, пытались подняться из высокой, — так нам казалось, на самом деле было едва-едва по колено, — травы. Крепко держались друг за друга и за изумрудную живую изгородь, увивавшую ворота особняка. Мы засмеялись, когда удались первые, еще маленькие и неловкие, шаги. Мы сделали их одновременно.

Вместе. Мы все делали вместе, с самого появления на свет, и так должно было продолжаться до могилы.

Я помню Джейн.

Я помню ее в дни, когда мистер Уинслоу, учивший нас дома, становился особенно зануден. Пускался в пространные философствования или нырял в дебри американской и мировой истории, нам, озорным девчонкам, не очень-то интересные. Джейн, стоило статному старику в опрятном зеленоватом сюртуке отвернуться, бесшумно передразнивала его манеру махать руками, а я давилась со смеху. Это не значило, что учеба не прельщала нас, совсем наоборот: мистер Уинслоу грустил, расставаясь с нами, и называл нас «самые смышленные особы на моей пыльной памяти». Мы же на прощание вышили ему шесть носовых платков.

Я помню Джейн.

Помню ее долгие прогулки и задумчивые взгляды в вечернее небо. Помню, как, приходя, она садилась у стены и обнимала колени; подол платья всегда был перепачкан землей и хвоей. Помню день, когда она небрежно спросила у отца: «Зачем к нам приезжали мистер и миссис Андерсен?», и он быстро переглянулся с матерью, и оба расцвели улыбками, полными счастливой надежды. А Джейн вдруг потупила голову...

Я помню Джейн.

Я никогда не забуду утро, когда она вернулась домой, после того как пропала на три дня. Вернулась, истекая кровью, оставляя яркий алый шлейф на молодой траве, подернутой росой. У Джейн был вспорот живот; она зажимала внутренности бледной дрожащей рукой.

Пока сестра, хватая воздух сухими губами, лежала навзничь и доктор тщетно удерживал в ней искры жизни, она не успела ничего рассказать. Может, если бы она дождалась шерифа, к которому питала особую сим-

патию и которого звала «надежнейшим джентльменом Оровилла», наша несчастная семья поняла бы хоть что-то. Но Джейн не смогла дождаться. За доктором прибыл лишь пастор; с ним разговор был недолгим и остался тайной. Мрачной тенью пастор явился для исповеди и еще более мрачной — исчез, когда все кончилось.

Джейн умерла быстро, без криков и молитв, просто закрыв глаза, будто хорошо потрудились за день и теперь решила поспать. Ее прохладная рука выскользнула из моей, как выскользывают когда-то тонкие побеги живой изгороди. Последними ее словами было:

— Сходи к Двум Озерам, Эмма. Пожалуйста, сходи к Двум Озерам и...

Я помню Джейн.

Я никогда ее не забуду.

ЧАСТЬ 1
НА ЩИТЕ